

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

В этой рубрике мы публикуем серию комментариев известных социологов к интервью с Ю.А. Левадой, которое было подготовлено профессором Университета Невады Д.Н. Шалиным в 1990 г. Само интервью и статью Д. Шалина, включающую, в частности, историю давнего разговора, а также анализ теоретического наследия Ю.А. Левады, можно прочитать в № 1 за 2008 г. в рубрике «История социологии».

Б.З. ДОКТОРОВ

ЮРИЙ ЛЕВАДА: К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И СУДЬБЫ

Личность Юрия Левады, тематика его воспоминаний, возможность услышать его суждения, высказанные около двух десятилетий назад, и не только узнать в них присущую ему манеру рассуждать, но и уловить его интонации — все это делает интервью Дмитрия Шалина ценнейшим документом истории. Во-первых, интервью содержит уникальную информацию о жизни Левады и его трактовку того, что происходило с ним начиная с 1970-х годов. Во-вторых, документ позволяет не только лучше увидеть ряд событий, имевших место в советской социологии в указанное время, но и прочувствовать некоторые значимые составляющие политической и нравственной атмосферы тех лет. Вывод о значении этого интервью можно сделать даже из общих соображений, принимая во внимание редкость документов, содержащих столь личностно-гражданскую информацию, а также роль Левады в становлении методологии и этики современной российской социологии. Но есть еще одно обстоятельство — это валидизация подготовленного Шалиным текста комментариями людей, близких Леваде по духу, знавших его многие годы и друживших с ним.

Обстоятельства, не позволившие Шалину опубликовать это интервью ранее, в конечном счете, значительно повысили сегодняшнюю ценность этого документа, а, следовательно, и его значимость для будущих историко-научных исследований разной направленности. Но прежде всего это интервью важно для создания биографии Левады, в которой отражался бы его вклад в отечественную социологию и политическую культуру российского общества на рубеже XX и XXI веков. Не сделав этого, крайне сложно рассуждать о значении наследия

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор.
Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

Левады и — более широко — о роли тех немногих, кто образует ядро первого поколения постхрущевской социологии.

Мой опыт изучения жизненного пути людей, оставивших заметный след в ряде областей науки и культуры, показывает плодотворность разделения биографии и судьбы, понятий близких, но имеющих разную субстанциональность.

Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), ведет его по жизни (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба — многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто — и много раньше. В общем случае, чем более продолжительный интервал времени отделяет биографа от его героя, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой, происходит мифологизация образа человека.

Огромная ценность комментариев моих коллег заключается в том, что они говорят о Леваде-человеке: они видят его выступающим, рассуждающим, радующимся или опечаленным; они слышат его голос, характерные слова, чувствуют его рукопожатие. Но два момента создают предпосылки для ускорения мифологизации Левады, что явно не приветствовалось бы им самим и что не отвечает задаче воссоздания истории советской социологии.

Первый момент, скудность фактов о жизни Левады. Это следствие его исходно вынужденного, а позже и отчасти, как следует из интервью, добровольно сохранявшегося отъединения от «всех значимых социальных субъектов» (А. Левинсон), что дополняется и личностными особенностями: тем, что он отводил друзьям роль не поддерживающих, а немешающих (А. Левинсон), его сдержанностью и суховатостью (В. Шляпентох), жизнью «наедине с собой» (Б. Фирсов). Все это отражено в самохарактеристике: «Я довольно одинокий волк всю жизнь» [1, с 165]. Второй момент мне представляется не менее существенным, его природа коренится в восприятии современниками тех, кто оказывается в центре важных исторических событий. Так, все

перипетии давления властей на Леваду и его стойкое сопротивление сразу внесли его биографию в историю. Получается, что на протяжении значительной части жизни Левады его биография и судьба оказались тесно сплетенными.

В воспоминаниях о Леваде просматривается установка на формирование двух его образов: один — гражданин, моральный лидер, другой — ученый, руководитель известного в стране и за рубежом центра изучения общественного мнения. Концепция двух Левад не кажется мне продуктивной. Думается, что прежде всего Левада видел в себе социального философа, аналитика, а свою гражданскую позицию трактовал как базис, этическую основу профессиональной деятельности.

Текст интервью и публикуемые воспоминания о Леваде могут служить основой для изучения его биографии и научного наследия. Риску указать два направления биографических поисков, представляющиеся мне перспективными. Первое: анализ микро- и макро-, объективных и субъективных обстоятельств, много десятилетий назад сделавших Леваду моральным авторитетом для весьма представительной части советского/российского социологического сообщества, а позже — голосом правды для многих россиян. Второе: изучение методологии его исследований общественного мнения, ибо в ней присутствует и долгий опыт Левады-теоретика, и его стремление ответить на актуальные вызовы социальной практики ельцинского и путинского времени.

Эффективные подходы к первой задаче обозначил сам Юрий Левада в ответах на вопросы Дмитрия Шалина, и эти подходы оконтурены комментариями А. Алексеева, А. Левинсона и Б. Фирсова. Центральным здесь должен стать анализ генезиса и смысла того, что Левадой было обозначено как «естественное поведение», а также причин, в силу которых оно — в совокупности с другими личностными качествами Левады — вывело его в моральные лидеры. В общем случае можно сказать, что подобная естественность — «полюсная», уникальная, но при этом она вписывается в систему представлений шестидесятников о форме сопротивления личности давлению власти.

Было бы наивно с моей стороны предлагать решение указанной задачи. Вместе с тем мне кажется, что один из путей к нему — сопоставление природы морального лидерства Левады с факторами, обусловившими высочайший авторитет в нашем профессиональном сообществе еще ряда социологов; назову здесь лишь Т. Заславскую и одного из друзей Левады еще со студенческих лет — Б. Грушина. Многие может дать и анализ «естественного поведения» ядра группы «диастанкуров»: уже упоминавшегося Б. Грушина, А. Зиновьева, Г. Щедровицкого и М. Мамардашвили. Так, указанное Алексеевым «нравственное самостояние», а не противостояние Левады¹, думается,

¹ См. настоящий номер, с. 119. — *Прим. ред.*

очень близко к тому, о чем Мамардашвили говорил: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои» [2], а Грушин: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”» [2]. А вот ответ Левады на вопрос Шалина относительно его принадлежности к диссидентскому движению и подписанию коллективных писем: «Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. <...> Но специального участия в работе я не принимал». И далее: «Мне казалось, что более естественно продолжать работу» [1, с. 161].

Укажу еще на одну компактную общность социологов, изучение биографий которых будет способствовать более глубокому пониманию «феномена L» [3]. Это — социологи, участвовавшие в семинарах в Кяярику (Kääriku) — небольшом эстонском городке вблизи Тарту в конце 1960-х — начале 1970-х годов. К «кяярикскому братству» принадлежали Грушин и Левада, в него входят А. Алексеев, И. Кон, Б. Фирсов, В. Шляпентох и В. Ядов, прокомментировавшие интервью, писавшие о Леваде. И конечно же, здесь надо назвать Ю. Вооглайда. Жизненные траектории всех названных участников тех встреч во многом схожи.

Текст интервью позволяет также допустить, что под естественностью Левада понимал не только следование принципам поведения русской интеллигенции по отношению к власти и тем, кто был не согласен с внутренней политикой страны, но и его стремление сохранить свободу, что во все времена было свойственно людям, стремящимся заниматься наукой. Творческий человек «естественно» нуждается в одиночестве, стремится к нему, ценит его; независимость разума достигается лишь в уединении. Тем более это верно по отношению к философу, а Левада, занимаясь социологией, культурологией, исследованиями в области политики и экономики, придерживаясь вопрошающей тенденции в своих размышлениях, всегда оставался именно им. Говоря о стремлении к продолжению линии свободного научного мышления в социальной области, он замечал: «В общем, никто не заставлял меня ни разу делать то, что мне не хочется» [1, с. 157]. На вопрос Шалина о возможности заниматься интеллектуальной деятельностью во второй половине 1970-х Левада ответил: «Она на самом деле у всех есть. Если кто захотел бы, она бы сохранялась, потому что сплошной завесы не было, стена была дырчатая» [1, с. 162].

В качестве иллюстрации этого положения Левада приводит два примера. Первый — статья о фашизме, прочитав верстку которой, академик Константинов прокомментировал: «Это про них или про нас?» [1, с. 167]. Второй — работа, в которой Левада показывал неверность Марксовых представлений о человеке. «Была возможность написать, я считал уместным написать и написал», — говорит он. И еще: «Писали то, что думали, но там была система шифровки, старались не договаривать до конца» [1, с. 158].

Сложности с публикацией отчасти компенсировались социологическим семинаром, организованным Левадой в 1966 году, когда он работал в Институте социологических исследований АН СССР, и продолжавшимся после перехода Левады в Центральный экономико-математический институт [4]. Владимир Шляпентох склонен видеть в этом семинаре прямой вызов властям [5], мне же представляется, что проходившие обсуждения рассматривались организатором и «душой» семинара, прежде всего, как нормальная, естественная с античных времен форма научного общения единомышленников. Именно об этом его слова: «Мне ужасно претила и претит позиция нарочитого лазания на рожон для того, чтобы себя показать, и прочее. <...> Я не хотел и не хочу торчать. По мере возможности — раньше, теперь и впредь — всегда хотел бы занимать такую позицию, чтобы она никем, ни мной самим, не воспринималась как то, что я хочу выкрикнуть напоказ, или скрыться напоказ...» [1, с. 158]. Проведение таких встреч отвечало стремлению Левады сохранять свободу в выборе тем для собственной разработки и одновременно создавало возможности для свободного, по меркам того времени, обсуждения широкого круга философских и культурологических проблем. Семинаром интересовались идеологические структуры, КГБ, его пытались запретить, приходилось менять название и крышу, но скорее всего Левада и это считал «естественным». Вот его слова: «Была определенная драма всей страны, всей интеллигенции. Социологическая [ситуация] была частью этого, потому что постоянные скандалы и разгоны были и в истории, и в экономике, и в философии, где только ни было» [1, с. 158].

Хочется надеяться, что многолетние участники левадовского семинара еще расскажут и о тематике обсуждений, и об авторах наиболее памятных докладов, и об атмосфере тех встреч. Это крайне важно для воссоздания истории советского этапа российской социологии и, в частности, для определения роли данного научного форума. От лица тех, кто долго сотрудничал с Левадой, А. Левинсон формулирует вывод о том, что «Левада не создавал научной школы» [3]; это утверждение повторяется им и в комментариях к интервью². Иначе считает И. Кон: «[Левадой] была создана собственная интеллектуальная школа»³, а также А. Гофман: «О Леваде и его школе (а это была и есть научная школа в подлинном смысле слова), надеюсь, еще будет написано немало, основательно и серьезно» [6, с. 12].

В круг намечаемых для обсуждения вопросов входит и сохранение и исследование личного архива Левады, если таковой существует. Трудно поверить, что в течение многих лет вынужденного молчания

² См. настоящий номер, с. 127. — *Прим. ред.*

³ См. настоящий номер, с. 123. — *Прим. ред.*

он не вел дневник, не фиксировал каких-либо теоретических построений, не писал книг, предполагая, несмотря на свой пессимизм, опубликовать их в будущем.

Очерчивая область решения второй из выделенных историко-научно-ведческих задач — анализа подходов Левады к изучению общественного мнения, укажу, прежде всего, на уникальность ситуации, связанной с его вовлеченностью в эту сферу социальных поисков. В семидесятилетней истории опросов общественного мнения [7], отсчитываемой с первых электоральных зондажей Джорджа Гэллапа в 1936 году, это единственный случай, когда ключевую в стране позицию в этой в высшей степени специальной области анализа занял теоретик, долгие годы разрабатывавший общие, абстрактные философские, социологические и культурологические проблемы. В своих комментариях Кон называет Леваду «самым теоретически образованным и талантливым человеком в нашей когорте» и одновременно отмечает: «...оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, в отличие от Бориса Грушина и Бориса Фирсова, раньше не занимался»⁴. Не имели серьезного полевого опыта и люди, пришедшие с Левадой; это были наиболее активные участники его семинара, научные интересы которых на протяжении многих лет лежали в области теоретического анализа социокультурной проблематики. Полстерское ремесло ими осваивалось постепенно, в процессе работы.

В заметках к биографии Левады я писал о том, что в своих исследованиях общественного мнения он реально продолжил и развил традицию изучения этого феномена рядом американских (к примеру, Гордон Олпорт, Пауль Лазарсфельд, Самуэль Стауффер, Стюарт Додд) и советских академических (университетских) социологов [8]. Вместе с тем он привнес в эту область социального познания, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога. Время, логика развития науки и ряд внешних обстоятельств организационного плана поставили перед ним задачу: объединить огромный опыт, накопленный за века в социальной философии и культурологии, с новейшими достижениями в области информатики и технологии опросов. Он ответил на этот вызов. Его наследие — уникально и бесценно. Это крупномасштабная и многокрасочная картина трансформации общественного сознания россиян в один из драматических для России и мировой истории моментов: перехода страны от тоталитаризма к демократическим принципам общественного устройства. Подход Левады к анализу, интерпретации эмпирической информации — уникален, думаю,

⁴ См. настоящий номер, с. 123, 125. — *Прим. ред.*

неповторим, как неповторим тот путь, которым он пришел к изучению общественного мнения. Его отношение к данным отлично от традиционного для многих аналитиков общественного мнения, при котором многое ограничивается описанием статистики голосов. В действительности Левада непрерывно достраивал концепцию социокультурной системы и человека, которая начала у него формироваться при изучении социальной природы религии, развивалась им в серии ЦЭМИшных статей, была пунктирно намечена в небольшой коллективной книге о советском простом человеке [9] и затем проходила более чем десятилетнее испытание в «Мониторинге». Человек «приспособленный», или «адаптивный», человек «недовольный» и позднее — «смирненно недовольный», человек «лукавый», человек «особенный», человек «русский» — это все не просто эмпирически выявленные типы отношения значимых групп россиян к окружающему их миру, но каждый раз — проекция некоторого сложного, многомерного видения человека на определенную, заданную конкретными (экономическими, политическими, социокультурными и проч.) обстоятельствами плоскость. Человек един, правда, он — иногда быстро, иногда крайне медленно — меняется, но при разном освещении (которое и устанавливал Левада со своими коллегами) он смотрится по-разному.

Теперь кратко остановлюсь на двух аспектах исследовательской позиции Левады, которые, на мой взгляд, не получили должного развития, и потому ряд переходов в движении «от мнения к пониманию» оказались недостаточно проясненными. Первый из них касается использования многомерных методов анализа данных, второй — изучения роли средств массовой информации в формировании общественного мнения.

В середине 1960-х годов Левада одним из первых в СССР заговорил о важности использования в социологии математических и кибернетических методов. Вспомним и комментарий Левады к докладу Ядова на первой конференции в Кярику [10]. В начале 1990-х мне приходилось многократно обсуждать с Левадой ход и итоги совместной работы ВЦИОМа и международного Исследовательского института социальных изменений (Research Institute for Social Change). Проект базировался на изощренной математической процедуре шкалирования, с помощью которой создавалась «европейская социокультурная карта» и определялось место России в ряду двух десятков европейских государств. Я помню, что Левада принимал логику этого метода и видел его эффективность при решении нетривиальных типологических проблем. Сложно сказать, почему во ВЦИОМе (позже — «Левада-Центре») не велись работы по многомерной типологии, но эта ситуация поправима; сейчас крайне важным было бы построение пространственной (многофакторной) модели «левадовского человека». Это валидизировало бы выводы Левады, обнаружившего с помощью

простейших измерений сложную структуру сознания советского человека, и дало бы новый импульс для развития теоретической схемы Левады. Замечу, что на это надеется и Игорь Кон: «...когда наша жизнь станет историей, опросы “Левада-Центра” останутся ценным историческим источником, как и уникальные исследования Б.А. Грушина. И если кто-нибудь применит к их анализу современный математический аппарат, он, возможно, извлечет из них и нечто такое, чего мы еще не знаем»⁵.

Американские отцы-основатели технологии и практики изучения общественного мнения подошли к измерению установок населения, будучи признанными специалистами в исследовании аудитории прессы, радио и в анализе потребительских предпочтений. Грушин, начиная первые опросы для «Комсомольской правды», был философом-методологом и имел четырехлетний стаж журналистской работы, да и все его последующие опросы делались с учетом интересов газеты. До того как Фирсов приступил к опросам общественного мнения, он несколько лет руководил Ленинградским телевидением, прошел обучение исследованию аудитории в «Би-Би-Си» и защитил кандидатскую диссертацию по проблемам установок, предпочтений телеаудитории. Пионерные исследования Шляпентоха распространялись одновременно на общественное мнение и на поведение читателей ведущих газет страны.

Подобного исследовательского багажа не было у Левады и его команды; они имели опыт изучения читателей книги, но он опирался на иные методологические принципы, чем те, которыми руководствовались аналитики средств массовой информации. В связи с этим интересна та часть комментариев Андрея Алексеева, где он вспоминает свой давний кыярикский обмен мнениями с Левадой относительно роли массовой коммуникации в обществе.

Будучи знакомым лишь с частью публикаций ВЦИОМа и «Левада-Центра», я могу ошибаться, говоря о недостаточном внимании разработчиков проекта «Советский человек» к исследованию деятельности средств массовой информации. Пытаясь выявить главные моменты в трактовке Левадой и его коллегами процесса зарождения мнений и перехода «от мнения к пониманию», я обнаруживаю, что распределение мнений в целом трактуется ими как функция двух переменных: макросоциальных изменений в обществе и изменений, происходящих внутри «советского человека» [11]. Такая схема была бы оправданной, если бы не ставилась задача понимания природы мнений, выявления всей совокупности причин их динамичности. Кроме того, еще в начале 1960-х годов Левада говорил о важнейших функциях массовой коммуникации и о демократии как проявлении компетентности общественного мнения, однако эта линия не была достаточно развернута

⁵ См. настоящий номер, с. 126. — *Прим. ред.*

в теоретических и прикладных исследованиях. Это тем более трудно понять, если учесть тот факт, что многие элементы модели взаимодействия средств массовой информации и общественного мнения были разработаны на рубеже 1960–1970-х Грушиным в его «Таганрогском проекте».

* * *

Размышления о жизни и судьбе Юрия Левады дают повод серьезнейшим образом задуматься о том, как писать историю современной советской/российской социологии. По большому счету это проблема для всего нашего профессионального сообщества. В написании истории есть сложности технического, организационного, инструментального плана, ведь подразумевается коллективная работа по поиску и публикации информации о прошлом. Но не это главное. Третью веку назад историк и философ физики Борис Кузнецов заметил: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [12, с. 4]. Это означает, что сейчас для социологического сообщества первостепенное значение приобретают вопросы, которые оно должно ставить перед собою при исследовании прошлого. В силу сквозного, вневременного характера таких исследований их вопрошающий аспект сейчас много важнее, чем возможные ответы; последние еще будут уточняться. Ретроспекция не бывает абсолютной, она осуществляется в некоей системе координат; и наши вопросы должны образовать эту координатную сетку. Тогда они будут стимулировать поиски во всех областях историко-научного пространства, и наше профессиональное сообщество сможет сформировать в себе готовность обсуждать разные выводы и принимать разные точки зрения.

Приверженность позиции исторического оптимизма подсказывает мне, что когда придет время анализа жизни человечества в XX веке, результаты исследований советских/российских социологов окажутся востребованными глобальным обществоведением. Уникальный опыт страны, где небольшая группа революционеров свергла законное правительство, изменила всю систему общественных отношений и установила строй, который уничтожил миллионы своих сограждан, победил в войне с другой тоталитарной системой, первым отправил человека в космос, просуществовал семь десятилетий, — не может остаться вне пристального изучения и извлечения уроков. В этом колоссальном научном и гуманитарном проекте, который будет осуществляться несколькими поколениями ученых всех стран мира, принципиальное значение будет придаваться анализу информации, собранной советскими/российскими социологами, и их выводам. В частности, будут использоваться результаты исследований Юрием Левадой сознания тех слоев населения, которые пережили слом старой общественно-политической системы и начинали осваивать новые социальные реалии и императивы. Научному и гражданскому наследию Левады уготована долгая жизнь. Завершилась жизнь Левады, но не его судьба.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левада Ю.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1.
2. Доктор философских наук, профессор Борис Грушин: `Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит // VIPERSON.RU. Персональная страница [online]. Date of access: 12.05.2008. URL: <<http://c-society.ru/wind.php?ID=213403&soch=1>>.
3. *Левинсон А.* Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) [online]. Date of access: 10.05.2002. URL: <<http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4>>.
4. *Левада Ю.А.* «Научная жизнь — была семинарская жизнь» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 82–94.
5. *Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском Журнале» [online]. Дата обращения: 22.05.2008. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>>.
6. *Гофман А.Б.* «Социальная реальность... — это сфера свободы» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 2–13.
7. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
8. *Докторов Б.* Жизнь в поисках «настоящей правды»: заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.
9. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 80–90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Интерцентр, 1993.
10. *Левада Ю.А.* Выступления по поводу доклада В.А. Ядова // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяярику–1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967. С. 122–133.
11. *Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 9–15.
12. *Кузнецов Б.Г.* Разум и бытие. М.: Наука, 1972.